

Биаджо, как и Макиавелли, исполнилось тридцать три года. Однако благодаря содействию тестя, Марсилио Фичино, знаменитого ученого, которому покровительствовали Медичи, на государственную службу он поступил раньше Макиавелли. В те времена связи помогали человеку занять место под солнцем не в меньшей степени, чем его достоинства.

Биаджо был среднего роста, полноватый, с круглым краснощеким добродушным лицом. Честный и трудолюбивый, никому не завидующий, он трезво оценивал свои возможности и не рвался к вершинам власти. Он любил хорошо поесть, посидеть в веселой компании. Умом он не блистал, но и не слыл дураком. Иначе он никогда не стал бы другом Макиавелли.

— Сейчас на службе в Синьории нет человека умнее Никколо, — ответил Биаджо.

(Вот уже восемь лет после изгнания Медичи высшим исполнительным органом власти во Флоренции являлась Синьория — городской Совет.)

— Чепуха, — фыркнула Франческа.

— Он разбирается в людях и государственных делах лучше, чем мужи вдвое старше его. Вот увидишь, сестра, он далеко пойдет, и, поверь мне на слово, он не из тех, кто забывает друзей.

— Я не доверяю ему. Он выкинет тебя, как старый башмак, когда ты станешь ему не нужен.

Биаджо рассмеялся:

— Ты сердишься, потому что он никогда не пытался ухаживать за тобой? А ты еще хороша и должна нравиться мужчинам.

Монна Франческа поджала губы:

— Просто он знает: порядочная женщина даст ему достойный отпор. Ты всегда защищаешь его. Конечно, он ведь смешит тебя, рассказывает разные непристойные истории. Ты такой же, как он.

— Но признай, никто лучше Макиавелли эти истории не рассказывает.

— И поэтому ты считаешь его таким удивительно умным?

Биаджо вновь рассмеялся:

— Конечно, нет. Он успешно провел переговоры с Францией, а его донесениями восхищались все. Даже те члены Синьории, кто не слишком благоволил к нему.

Монна Франческа сердито повела плечами.

Все это время Пьеро, как и подобает благовоспитанному молодому человеку, молчал, скромно потупив взор. Он без энтузиазма воспринял желание матери и дяди устроить его на государственную службу и с радостью ухватился за возможность отправиться в путешествие. Как он и предполагал, житейская мудрость дяди восторжествовала над нерешительностью матери. И на следующее утро в сопровождении Биаджо Пьеро подъехал к дому Макиавелли.

3

Лошади уже стояли у крыльца: одна — для Макиавелли, две — для его слуг. Пьеро спрыгнул с мила и, отдав поводья слуге, вслед за дядей прошел в дом. Макиавелли ждал их, нетерпеливо расхаживая по комнате.

— Не будем терять время, — сказал он, коротко поздоровавшись с вошедшими. — В путь.

По щекам Мариетты катились слезы. Особой красотой она не отличалась. Правда, Макиавелли женился на ней не из-за ее красоты. Мариетта была из почтенной состоятельной семьи и принесла ему солидное приданое, да и на холостяков его возраста смотрели косо.

— Не плачь, дорогая, — успокаивал ее Макиавелли. — Ты же знаешь, я скоро вернусь.

— Тебе нельзя ехать, — всхлипнула Мариетта и, обращаясь к Биаджо, добавила: — Он не готов к такому длительному путешествию: плохо себя чувствует.

— Что с тобой, Никколо? — спросил Биаджо.

— Старая болячка. Опять что-то с желудком. Но тут уж ничем не поможешь. — Он обнял Мариетту: — До свидания, моя радость.

— Ты будешь мне писать?

— Обязательно, — улыбнулся Макиавелли.

При улыбке с его лица исчезало обычное сардоническое выражение и оно становилось даже привлекательным. Макиавелли поцеловал жену, погладил по щеке.

— Не сердись, дорогая. В случае чего обращайся к Биаджо. Он всегда поможет тебе.

Пьеро, войдя в комнату, так и остался у дверей. Никто не обращал на него внимания. И хотя его дядя был едва ли не самым близким другом Макиавелли, Пьеро почти не встречался с ним раньше. Сейчас юноша воспользовался случаем, чтобы получше разглядеть своего будущего господина. Среднего ро-

ста, Макиавелли казался выше из-за своей худобы. Коротко стриженные черные волосы, словно бархатная шапочка, обрамляли его голову. Маленькие, очень подвижные темные глаза сверкали над запавшими щеками. Длинный нос нависал над тонкогубым ртом. Задумчивое, настороженное, даже суровое выражение лица. Несомненно, он не из тех, кто позволяет смеяться над собой.

Видимо, почувствовав изучающий взгляд Пьеро, Макиавелли повернулся и вопросительно посмотрел на юношу.

— Это Пьеро? — обратился он к Биаджо.

— Да. Его мать надеется, что ты позаботишься о нем, проследишь, чтобы он не попал в беду.

Макиавелли сухо улыбнулся:

— Анализируя неблагоприятные последствия моих ошибок, он, без сомнения, поймет, что добродетель и трудолюбие ведут кратчайшей дорогой к успеху в этом мире и к блаженству в мире ином.

Они тронулись в путь. По брусчатым улицам Флоренции лошадей пустили шагом, а миновав городские ворота, перешли на легкий галоп. Предстояла дальняя дорога, и всадники не хотели попусту утомлять лошадей. Макиавелли и Пьеро скакали впереди, двое слуг — чуть сзади. Все четверо были вооружены. Флоренция не воевала с соседями, но в государстве было беспокойно: за любым поворотом могли встретиться мародерствующие солдаты-наемники. Макиавелли молчал, погруженный в раздумье, а Пьеро — от природы не из робких, — глядя на сосредоточенное, хмурое лицо своего спутника, заговорить не решался. Несмотря на осеннюю про-

хладу, стояло чудесное утро. На душе у Пьеро было радостно. Хотелось не молчать, петь от восторга, задавать миллион разных вопросов. А они ехали и ехали. Солнце поднималось все выше, прогревая осенний воздух. Макиавелли так и не проронил ни слова, только время от времени жестом показывал, что надо перейти на шаг.

4

Макиавелли было о чем подумать. В поездку он отправился не по своей воле и приложил все силы, чтобы уговорить Синьорию послать кого-нибудь еще. И не только потому, что плохо себя чувствовал — хотя сейчас каждый шаг лошади отзывался болью в животе, — он также не хотел сразу после женитьбы огорчать Мариетту своим отъездом. Он обещал ей, что разлука будет недолгой, но в душе понимал: дни могут сложиться в недели, недели — в месяцы, прежде чем он получит разрешение вернуться домой. Как затягиваются дипломатические переговоры, он мог убедиться во время поездки во Францию.

И все-таки личные дела составляли лишь малую толику его забот. Италия находилась в отчаянном положении. Людовик XII, король Франции, обладал абсолютной властью. Он завладел большей частью Неаполитанского королевства, хотя Сицилия и Калабрия все еще оставались у испанцев. Ему принадлежал Милан с прилегающими к нему территориями. Он наладил хорошие отношения с Венецией, а города-государства Флоренция, Сиена

и Болонья находились под его опекой. Он заключил союз с папой, и тот разрешил ему развестись с бесплодной и нелюбимой женой и жениться на Анне Английской, вдове Карла VIII. В благодарность Людовик XII выдал Шарлотту д'Албре, сестру короля Наваррского, за сына папы, Чезаре Борджиа, и пообещал предоставить в его распоряжение войска, чтобы тот смог отвоевать владения, потерянные церковью.

Чезаре Борджиа, известному по всей Италии как Эль Валентино — по названию герцогства, пожалованного ему Людовиком XII, — не было еще и тридцати. Капитаны его наемных войск — Паголо Орсини, глава знатного римского рода, Паоло Бальони, правитель Перуджи, и Вителлоццо Вителли из Читта-ди-Кастелло — прекрасно знали свое дело. И сам Чезаре показал себя бесстрашным и мудрым командиром. Силой оружия, подкупом, хитростью он захватил значительную территорию. Весть о его победах разносилась по всей Италии. Воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, он вынудил Флоренцию подписать договор, по которому обязывался три года защищать город, получая за это крупное вознаграждение. Но вскоре флорентийцы, заручившись покровительством Людовика XII, приостановили действие договора и прекратили платежи. Борджиа пришел в ярость и обещал при первой возможности отомстить Республике.

В июле 1502 года — года, к которому относится данное повествование, — Ареццо, подвластный Флоренции город, восстал и объявил себя независимым. Вителлоццо Вителли, самый способный из

капитанов Эль Валентино, смертельный враг флорентийцев, казнивших его брата, и Бальони, правитель Перуджи, выступили в защиту мятежников и разбили флорентийский гарнизон. Его остатки укрылись в цитадели. В панике Синьория послала в Милан Пьеро Содерини, исполняющего обязанности президента Республики, чтобы тот ускорил отправку четырехсот кавалеристов, обещанных королем Людовиком. Войскам Синьории, длительное время осаждавшим Пизу, был отдан приказ выступить в Ареццо; но цитадель пала незадолго до их прихода. А тут еще Эль Валентино, обосновавшийся в захваченном им Урбино, потребовал прислать посла для переговоров. К нему выехал епископ Волтеррский, брат Пьеро Содерини, а сопровождал его Макиавелли. Однако французский король, верный обещанию, данному Флоренции, послал в Ареццо своих кавалеристов, и Чезаре Борджиа пришлось отозвать капитанов.

Капитаны Борджиа — сами правители небольших государств — не могли не опасаться, что при первом удобном случае герцог расправится с ними так же безжалостно, как и с другими. Узнав, что Чезаре заключил секретное соглашение с Людовиком XII, согласно которому король обещал помочь ему захватить Болонью, а затем уничтожить капитанов, они встретились в местечке Ла-Маджиони, недалеко от Перуджи, чтобы выработать общий план защиты. Вителлоццо Вителли, больного, на встречу принесли на носилках. Паголо Орсини прибыл в сопровождении брата-кардинала и племянника — герцога Гравины. Присутствовали также Эрмек Бентивольо,

сын правителя Болоньи, братья Бальони из Перуджи, молодой Оливеротто да Фермо и Антонио да Венафро, правая рука Пандолфо Петруччи, правителя Сиены. Ради своей же безопасности капитаны решили действовать, но, зная вероломство герцога, действовать осторожно. Для начала в строжайшей тайне подготовить отряды, а потом нанести неожиданный удар. В их распоряжении имелись и пехота, и кавалерия, а также мощная артиллерия Вителлоццо. Посланники капитанов разъехались по разным городам, чтобы нанять еще несколько тысяч солдат, наводнивших Италию. А во Флоренцию был направлен гонец с письмом к городскому Совету: капитаны предлагали заключить с ними союз, ибо честолюбивые замыслы Чезаре представляли немалую угрозу не только для них, но и для Республики.

Прошло не так уж много времени, прежде чем Борджиа узнал о заговоре и, со своей стороны, потребовал от Синьории направить ему в случае необходимости обещанные войска. Но вместо войск в Имолу отправился Макиавелли. Он ехал с тяжелым сердцем. Синьория не разрешила ему принимать самостоятельные решения, каждый свой шаг он должен был согласовывать с Флоренцией. И герцог Романьи, Валенсии и Урбино, принц Андрии, правитель Пиомбино — пусть и незаконнорожденный сын папы — не мог воспринять приезд такого посла иначе, как оскорбление его достоинства. Макиавелли надлежало сообщить Борджиа, что Республика отказалась сотрудничать с заговорщиками. Если же герцогу все еще требовались войска или деньги, то Макиавелли должен был известить Синь-

орию и ждать ответа. Тянуть время — такая задача стояла перед ним. Подобная тактика являлась основой политики Республики. У Синьории всегда находились убедительные причины ничего не предпринимать. И лишь в крайнем случае приоткрывались сундуки казначейства. Макиавелли предстояло сдерживать нетерпение человека, не привыкшего к промедлению, давать ничего не значащие обещания, на хитрость отвечать хитростью, противостоять обману и попытаться отгадать замыслы того, кто славился своим вероломством и лицемерием.

Он видел Чезаре Борджиа лишь однажды, да и то мельком, во время поездки в Урбино, но герцог произвел на него сильное впечатление. Там же, в Урбино, он услышал рассказ о том, как герцог Джидобальдо ди Монтефелтро, поверив в дружбу Борджиа, лишился своего герцогства и едва спасся сам. Признавая неслыханное вероломство Эль Валентино, Макиавелли не мог не восхищаться его энергией и ловкостью. Умный и бесстрашный, беспринципный и безжалостный, Чезаре Борджиа показал себя не только блестящим полководцем, но и способным организатором, и хитрым политиком. На тонких губах Макиавелли заиграла улыбка, в глазах появился азартный огонек. От одной только мысли, что ему предстоит помериться силами с таким достойным соперником, его настроение улучшилось. Он уже не вспоминал о ноющей боли в животе и даже без удовольствия предвкушал легкий обед в Скарперии, находившейся на полпути из Флоренции в Имолу. Там Макиавелли собирался нанять почтовых лошадей. Ему не терпелось попасть в Имолу. Но что-

бы не загнать своих лошадей, он решил оставить их в Скарперии. На следующий день слуги привели бы в Имолу его жеребца и мула Пьеро.

Перекусить и поразмяться они остановились в Альбергоделла-Поста. Поинтересовавшись, что из еды им могут предложить, и получив без задержки макароны, жареных перепелок, болонскую колбасу и свиные отбивные, Макиавелли остался доволен. Он любил поесть: вкусная пища доставляла ему истинное наслаждение. С не меньшим удовольствием поглощал все эти яства Пьеро. Когда они вновь тронулись в путь, юноша от переполнявшей его радости запел одну из популярных флорентийских песенок.

— Пьеро, твой дядя никогда не говорил мне, что у тебя хороший голос.

Юноша продолжал петь.

— Приятный тенор, — тепло улыбнулся Макиавелли.

Он попридержал лошадь, и Пьеро, принимая это за приглашение, начал напевать другую песню. Макиавелли прислушался: мотив известный, а стихи его собственные. Без сомнения, юноша стремился наладить с ним дружеские отношения, и Макиавелли одобрил столь изящный способ сближения.

— Откуда у тебя эти стихи?

— Дядя Биаджо списал их для меня.

Макиавелли ничего не сказал и вновь пустил лошадь рысцей. Ему следует побольше узнать об этом юноше, решил он. Ведь он взял его с собой не только для того, чтобы доставить удовольствие Биаджо, но и чтобы сделать своим помощником.